

ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ, не вы-
вый, не вы последний талантливый
композитор на Руси, кого прославляют не
на Родине, чья известность начинается
оттуда. В чем, на ваш взгляд, причина
нашей глухоты? Неужели привычка счи-
тать — нет пророков в своем отечестве?

— Я не думаю, что постановка вопроса
справедлива. Исполнение моего «Рек-
виема» в 88-м году в Москве вызвало
целую лавину статей. Я не могу сказать,
что в отношении меня известность начи-
нается «там». Фонд культуры выдвинул
«Реквием» на соискание Государственной
премии; в это же самое время новый ми-
нистр культуры СССР подписал на Совет
Министров клеветническое письмо о мо-
ей музыке... Я этому не придавал значе-
ния. Человек, отвечающий за культуру,
должен способствовать ее развитию, а
на самом деле выходит ее губителем.

Валерия Алексеевна — моя жена и по-
мощница — вместе со мной сражалась в
течение 10 лет с Системой. Может быть,
без нее я всего бы не сделал, потому что
моя задача — не борьба с обществом, а
борьба с самим собой. Я должен себя
совершенствовать. Несколько лет назад,
при Демичеве, я написал письмо в Мини-
стерство культуры, в котором не оставил
от их деятельности, как говорят, камня

красивая, но кончается она трагически.
Этот трагический путь сопоставим с внут-
ренней Голгофой.

— Мы все живем с ощущением траге-
дии.

— Симфония писалась в 79-м году,
окончательный вариант ее закончен в
84-м.

В ней — предсказание нашего се-
годняшнего общего самочувствия.

— Это мой внутренний путь. Какой-то
своей стороной он проецируется на со-
бытия внешней жизни. Название «На
пороге светлого мира» как будто распо-
лагает к чему-то радужному. Но на по-
роге, а света еще нет. И каков он? Мы
уже потерпели катастрофу. Симфония
имеет дело с самыми глубокими потря-
сениями и падениями. Просто предпола-
гается, что за этим порогом наступит
светлый мир. Но это не мир на шего
бытия, это мир изобилия, это мир внут-
ренней духовности. Американцы и
наши слушатели охотно трактовали му-
зыку как отражение событий нашего
социального бытия. Я этого не отрицал.
Но прежде надо думать о внутреннем
мире. Третья симфония представляет от-
резок пути, когда есть возможность воз-
вращения к свету. Почему она
может быть связана напрямую с углуб-
ляющимися экономическими и социаль-
ными проблемами.

— Но ведь вы ходите по этим ули-
цам, встречаетесь с людьми не как ком-
позитор, а как один из нас...

— Композитор не может не быть че-
ловеком.

— И каному грядущему, по нашему
ощущению, мы должны себя подгото-
вить?

— Какие из западных фирм получили
права издавать и распространять ваши
сочинения?

— Старейшая в Европе фирма, кото-
рая издавала сочинения Бетховена, Гайд-
на, Шуберта — немецкую и русскую
классику, — издательство «Петерс» пред-
ложило мне договор на ряд моих сочи-
нений, на «Реквием» в том числе.

— Хотелось бы вернуться к нашим не-
музыкальным чиновникам, которые, не
желая воздать композитору за его талант-
ливое сочинение, апеллируют к совести
автора. Совпадают ли ваши представления
о совести?

— Люди из Минкульт же говорили
тогда: мол, поскольку существуют неор-
динарные вещи, давайте их оплачивать
по достоинству. Вот пусть и Артёмов по-
лучит 20 тысяч за уникальное сочинение.
А потом новый министр перечеркнул их
же предложение. Чья совесть здесь под
подозрением: не составителей ли письма,
подписанного Губенко? «Реквием» —
вещь крупная: идет полтора часа, в нем
занято более 250 человек, хор, орган...

— А текст чей?

— Латинский, самый полный текст тра-
диционной католической мессы. Это ли-
тургическое сочинение наполнено стра-
стями нашего бытия.

ситуации, чтобы какой-то один орган рас-
пределял поддачи. Один орган — это
часть всеобщей тоталитарной системы,
или, как говорят теперь, мафии. А у нас
коррупция была на протяжении всех этих
лет. Наша критика тоже ходит под на-
чалством. Сейчас она освобождается. Но
у нее нет навыка...

— Быть свободной?

— Она может только сказать — что
ей нравится и что не нравится. Но по-
нять задачу композитора, смысл сочине-
ния!...

— Вячеслав Петрович, мы несем а
себе все прожитые годы. В нас
глубоко прячется ребенок. Ваш внешний
спыт — это три раза по 17 лет. А путь
во времени — безграничен. В ашем се-
годняшнем преодолении обстоятельств,
да и в творчестве, угадывается характер
московского школьника Славы Артёмо-
ва. Каким вы были в детстве? Вы были
благополучным ребенком?

— Не могу сказать, что я был благопо-
лучен. Скорее, был всегда в сомнении.

— Так рано?

— Думаю, даже раньше. В первом
классе я болел, и ко мне пришла учи-
тельница. Я поразил ее своим разговором
о смерти. Она меня успокаивала, хотя
сама, наверное, была семнадцатилетней.

атмосфера новые оттенки в звучание но-
вой симфонии? Не нарушит ли творчес-
кое состояние?

— Вся тетралогия задумана давно, и
я выполняю внутренний свой заказ...

— Есть ли у вас внутренняя отгоро-
женность от происходящего в данный мо-
мент?

— Мы все знаем, что в Армении про-
должается геноцид. Это, конечно, не мо-
жет не вызвать возмущения. И мы долж-
ны что-то сделать.

— А что мы можем сделать?

— В Москве образовалось общество
«Карабах» — «КРИК»: комитет русской
интеллигенции Карабаху. Его создание
обнадеживает — интеллигенция просыпа-
ется. Мы не должны мириться с пре-
ступлением, когда уничтожается этот
древний народ, — а он не раз уничто-
жался на протяжении последних ста лет...

Духовный путь вменяет в себя все: и
свою жизнь, и жизнь среды. Возможно,
в моей симфонии и заключается какое-то
предсказание. Признаюсь — 10 лет назад
совершенно не интересовался внешними
событиями. Сегодня они стали действи-
тельно актуальными. А тогда я был со-
средоточен на своей внутренней задаче.

— Вы позволяете себе иметь полити-
ческие симпатии?

веку? Но я думаю, вы по-божески про-
щаете им все...

— Боюсь, вы больше правы. Меня, ско-
рее, можно обвинить в бесхарактерности.
Единственное, что мне трудно простить,
— это предательство как категорию
нравственности, а не как какое-то дея-
ние. Но предательство по отношению ко
мне я, пожалуй, прощу человеку. Может
быть, это мой недостаток.

— Вы одиолюб?

— О-о, нет! Думаю, в этом отношении
я очень подозрительный человек. Очень
увлекающийся...

— Философская тишина ваших сужде-
ний кажется мне тихим омутом, где чер-
ты водятся...

— Нелзя представлять склонность че-
ловека к философским размышлениям
как идиллическое состояние. Если возь-
мем бердяевский способ мышления — то
это путь по лезвию ножа. Это — огнен-
ная философия, она сжигает...

«Что делать?» — очень важный во-
прос на Руси. Вот и философствую. При-
звать снова варягов, чтобы они нами
правили?

— Все чаще об этом думаешь...
— Мы долгие столетия чтили Рюрико-
вичей.

К вопросу о том, что делать. Если у
каждого школьника под подушкой будет
лежать книга Бердяева «Смысл творче-
ства», тогда у нас появится возможность
надеяться. Долгое время в нашей стране
переворачивались вверх ногами все по-
нятия. Самое «материалистическое»
мировоззрение не смогло создать
нормальную материальную жизнь...

— Вячеслав Петрович, у вас есть дети?

— Видимо, Бах — единственный ком-
позитор, у которого было 15 детей. На-
верно, бюргерский быт позволял. Наша
жизнь не располагает. Ведь надо же не-
сти ответственность. Надо же создать ус-
ловия детям: жить они должны на приро-
де, питаться натуральными продуктами,
общаться с нравственно чистыми людьми.

Если этого нет, создается, извините, би-
ологическая масса, которая не знает,
что ей делать, зачем она живет. Никто не
может с ней совладать. Она и сама му-
чается. У таких людей нет целей, нет са-
мосознания. Отсюда и наркотики, и пре-
ступления... Так что нелзя бездумно от-
носиться к вопросу о детях.

— Вячеслав Петрович, вы с Валерией
Алексеевной были в США полгода. Как
вы себя там чувствовали?

— Хорошо, спокойно. Люди там доб-
рожелательные. Валерия не знает языка
— и то у нее была масса поклонников.
Она читала там свои стихи. И переводы
«Сонетов к Орфею» Рильке, которые то-
же не опубликованы, имели там успех...

Мы с ней устраивали свои концерты
еще в Союзе. Вначале они шли с тру-
дом, сквозь толстомерные препоны.
У нас были камерные вечера, оркестро-
вые концерты. 10 лет назад надо было
брать разрешение на концерт — кому-то
было можно, а кому-то нелзя. Не так
давно можно было играть только музыку
секретарей — секретари так решили. Это
была дьявольски трудная деятельность по
организации концертов. Были у нас кон-
церты с аншлагами. Мы видели публику
с глазами. Люди обретали какую-то
общую связь после музыкального, почти
храмового действия. Слушатели не хоте-
ли расходиться — что-то их объединяло.

— Любите ли вы спорт?

— Я спорт как задачу не люблю. Я
люблю движение. Люблю ходить по го-
радам... Я не тренирую тело — мне важнее
эмоциональные, эстетические впечатле-
ния. Мне скучен спорт. Но, я понимаю,
спортом можно увлечься.

— Но вот вы вдруг начинали голо-
дать...

— У меня были духовные задачи.

— Пост, наложенный на себя?

— Ну да. Это было не голодание к
оздоровлению. Побудительные причины
важны для нравственного самочувствия.
Они отражают ваш духовный строй.

Мы находимся в такой духовной яме,
что тратить время, скажем, на детективы
— невольная роскошь.

— Как вы относитесь к абстрактной
живописи?

— Господь создал предмет. А
дух наш является через предмет. Если
это беспредметно, стало быть, и духа там
нет.

— Вы крещены?

— Да. Как ни странно, возле этой цер-
кви был построен Дом композиторов...

— Что бы вы пожелали себе и нам?

— Себе я всегда желаю одного — что-
бы мне хватило сил преодолеть себя.
Все остальное образуется. Не отвлекать-
ся на постороннее, ни с кем не бороться.
Это искушение ложное, ненужное.
Ничего не добиваться во внешнем мире!
Добиваться только во внутреннем! И
когда мы будем делать все это совме-
стно, мы сможем найти общий язык. И
этот общий язык поднимет нас на другую
ступень развития.

Наталья ДАРДЫКИНА.

НО ЕСТЬ, ЕСТЬ БОЖИЙ СУД

на камне. Несмотря на то, что пришел
новый министр, заведение прежнее. Си-
дят все те же люди. Было хорошее, ка-
жется, греческое слово «парасит». Оно
обозначало «приживальщик». Вот это
определение соподчинения духовного и
материального здесь уместно вспомнить.
Это такие лишние наросты на нашей жиз-
ни; ничему полезному они не способст-
вовали. Нам можно рассчитывать только
на республиканские структуры.

Мы привыкли к тому, что люди более
реагируют на заграничные оценки. Види-
мо, не доверяют своим вкусам, своим
прозрениям. Мы утратили иерархию цен-
ностей. И это недоверие к себе вполне
оправданно. Сам культурный уровень
понижился настолько, что нам, очевидно,
предстоит его создавать заново...

— Александр Блок призывал всем
сердцем слушать музыку революции. А
потом музыка в его душе замолкла —
жизнь заглушила ее.

Никане внешние события в мире
не могут обновить дух. Он сам собой
питается. Вся трагическая наша история
последних десятилетий не способство-
вала росту духовного самосознания на-
рода. И, конечно, с падением духовного
уровня приходится надеяться лишь на
век обновления.

У нашей публики действительно есть
черта: она легче, доверчивее восприни-
мает иностранное высказывание или
иностранного исполнителя. Не верим
самим себе, своим духовным силам —
это наша беда. У нас в народе — страсть
к разрушению; разрушения сдвиг в нас
так глубоко, что мы, наверное, должны
вывернуться наизнанку, чтобы стать со-
вершенно другой страной.

— Как вам работало с Мстиславом
Ростроповичем? Каким вы услышали
себя?

— Работалось совершенно изумитель-
но. Я встретился со многими выдаю-
щимися музыкантами, но такого тща-
тельного, деликатного и в то же время
требовательного отношения я еще не ис-
пытывал. Он потратил на меня уйма
времени в период подготовки исполне-
ния этого сочинения. У нас сразу зовут
на репетицию, а даже не так! А по-
том спрашивают: «Что не так?» и побе-
жали дальше. Опыт с Ростроповичем у
меня — совершенно благотворный.

— Как вы себя чувствовали во время
исполнения? Интересна реакция амери-
канской публики...

Прилюдно всегда бывает возбужде-
ние, радость. И все притупляется и затух-
ает. Даже свистят, а зале. У нас не нравит-
ся — свистят. У них свист — от полно-
ты.

— Фрачная публика свистит?
— Там разная публика. Разнообраз-
ная и восторженная публика.
Слава Ростропович был доволен. Он
очень возбуждается, когда играет. Осо-
бенно интересно было смотреть на его
лицо. Как он это делает!

— Первая ваша симфония — «Путь к
Олимпу». Вторая — «На пороге светло-
го мира». Названия могут дать повод по-
думать, что автор розовощекий оп-
тимист. И его должен носить на руках
руководящий синклит Союза композито-
ров. Каков же ваш путь к Олимпу?

— Мой «Путь к Олимпу» был обруган
в Союзе композиторов. И, как это ни
странно, единственный, кто о нем хоро-
шо отзывался, был Тихон Хренников:
«Ну это еще путь, а «Реквием» — это
Олимп».

Моя тетралогия «Симфония пути» со-
стоит из 4 симфоний. Слава играл II
часть. На воле воодушевления Вашинг-
тонский оркестр включил в план мою
III симфонию. В январе снова будут
играть 4 концерта «Путь к Олимпу» —
это начало моего крестного пути. На-
звание «Путь к Олимпу», к тому Олим-
пу, где заседают собрание богов, вклю-
чает в себя противоречие: во-первых, ка-
ковы сами боги? И нужно ли к ним иди-
ти? Тут есть широкое поле для размыш-
лений. Симфония о том, что не жизнь-
радостная. В ней есть энергия. Музыка

— Я не могу претендовать на пред-
сказание. Даже собственный путь пред-
сказать трудно. Я думаю, хотя путь
страны и долгий, но он приведет к луч-
шим результатам.

— ЕСТЬ ЛИ разница для композито-
ра, кто заказывает ему музыку?
За 20 лет творческого служения часто
ли вы получали заказы у себя на роди-
не?

— Немного. Джемма Фирсова подчи-
тала, что мой месячный заработок со-
ставил 79 рублей. У нас производствен-
ные расходы. В известном смысле — у
композиторов частное производство. И
это надо бы учитывать. Несколько про-
изведений они мне заказывали. Все
оплатить успевает в нашу общую культу-
ру. За эти десятилетия мы просто рас-
старили людей — носителей культуры.
Выплеснулся на поверхность антисоци-
альный элемент. И пришел к руководст-
ву культурой. Сейчас должен начаться
этап возрождения. Должны прийти но-
вые люди. И создадут такие структуры,
которые помогут культуре.

— Я читала, что за исполнение сим-
фонии в Москве вам отплатили 6 рублей
41 копейку. Хотелось бы видеть лицо чи-
новника, подписавшего такую ведомость.
Вас охотно покупают за рубежом. По-
чему композиторы такие терпеливые?
Почему бы вам не возмутиться — вас
грабят БААП и кто-то еще. Ваше твор-
чество — ваша собственность. Почему
не вы сами распоряжаетесь результата-
ми?

— Мы не знаем, кто нас грабит по-
настоящему. Должна быть серьезная
экспертиза. А почему не возмущаемся?
Очевидно, в силу углубленности каждо-
го в свой творческий процесс. Компози-
тор — особая духовная структура. Му-
зыка есть род миссионерской деятельно-
сти. Композитор — это религиозный
деятель. Музыка открывает самые со-
кровения душевного движения человека.
Ни слово, ни краска не могут этого сде-
лать. За слово можно спрятаться и ска-
зать то, что вы сами не чувствуете. За
звуком спрятаться нелзя. Он — чистое
ваше «Я». Если он отвратителен — та-
ков вы и есть. Если вы начинаете уби-
вать человека музыкой — значит, такую
цель вы и преследуете. Музыка — это
непосредственная связь человека с Бо-
гом. Мы должны познать себя через
связь с Богом. Музыка есть отрицание
этой связи. Но не слепок — это — чистое
отражение того, что вы из себя
представляете.

— Как вы отнеслись к тому, что в
Христово Воскресение премьер Пазлов
пришел в Храм? Может быть, а поисках
популярности? Вы говорили о возможно-
сти возрождения человека. Но возможно
ли возрождение потерявших Бога в та-
кой срамной степени?

— Многие воспринимают это так, как
вы. Но никогда нелзя закрывать чело-
веку дорогу к Богу. Если его движение
сейчас внешне, формальное и определя-
ется политической конъюнктурой, то за-
втра он войдет туда искренне. Будем
на это надеяться...

— Наше горе — голодный народ, устав
от нищеты и убожества всей своей жиз-
ни, утешение ищет, увы, не в музыке, не
в молитвах, а в чем-нибудь попроще: в
вине, сквернословии; молодежь — в ту-
совках или наркотиках... Значит, наше
движение к духовному просветлению по-
чи безнадежно?

— Бывают полосы, когда человек те-
ряет способность осознания себя. И об-
становка в стране этому способствует.
Это род болезни. И ее надо лечить. С
другой стороны, появилась духовная,
философская, религиозная литература, и
она способствует оздоровлению чело-
века. Милосердие тоже поможет людям
выйти из транса самозабвения. Лечить
надо духом.

Композитор Вячеслав АРТЁМОВ: «Если нет возмездия, значит, убийства поощряются»

— Губенко уповал на созесь компози-
тора, дерзнувшего на столь высокий го-
норар. Что же они не вызвали к совести,
когда не платили Артёмову з течение не-
скольких лет?

— Долгие годы они не приобретали у
меня сочинений; или фетфы, фыркали,
когда слушали мои вещи... Я в свое вре-
мя высказал министру Демичеву: эти
люди могут продавать на Арбате ланд-
рин. Слушать музыку им совершенно бес-
полезно. И дворник в нашем доме имеет
какое-то мнение о музыке. Но почему
его об этом надо спрашивать? Конечно,
это интересно, но он не платит мне де-
нег за музыку. А те люди, которые не
платят, обязаны отвечать за свои дейст-
вия. Они обещали мне отвечать на суде,
но суд свершается постоянно.

— Что это за суд? Божий?

— Божий. Этого они не понимают. Им
нужно, чтоб с милицией привели в район-
ный суд. Я не могу сейчас комментиро-
вать минкультское письмо Рыжкову в
деталих. Там много гнусного они пони-
мали. Более того — они стали распро-
странять свое мнение и в Союзе компози-
торов.

— Кто-то из свиты?

— Я не берусь осуждать их. Они на
этом воспитаны. Не должно быть такой

Очень тонкая, деликатная, интеллигент-
ная. Видимо, сохранила свой душевный
мир с каких-то непонятных времен. А
материального благополучия тогда ни у
кого не наблюдалось.

— В какой семье вы жили?

— Музыкантов. И все-таки душевного
покая я не испытывал. У человека, кото-
рый занимается творчеством, его, напе-
рное, никогда не бывает. Творчество воз-
никает на каком-то разладе, на каком-то
противоречии.

— А где вам лучше пишется — дома
или когда вы уезжаете куда-то?

— Долгое время мне лучше всего ра-
боталось в Армении: там другой дух, дру-
гие небеса. Горы. И вообще, это особая
страна, можно сказать, библейская. И
недаром там такое количество храмов, и
каждый камень дышит историей. А кро-
ме того, в горах — ближе к небу, может
быть, поэтому там лучше пишется. Здесь,
дома — тоже хорошо. По зову памяти я
опять собираюсь в Армению.

— В какой город?

— В Дилижан, в Дом композиторов.

— Инструменты там хорошие?

— Не знаю, я несколько лет там не
был, а уже тогда они обветшали...

— Вы приедете в Армению. Там столь-
ко трагедии. Не внесет ли эта накаленная